

*Милофрей**Члывеский*

В ПОИСКАХ ВЧЕРАШНЕГО ВРЕМЕНИ

* * *

На столе между пиццей, компотом и кислым вареньем
Распластался «Хазарский словарь» на тридцатой странице...
Я пытаюсь беспомощно вымучить стихотворенье,
Я припомнить хочу неуставшие, прежние лица

Подзабытых друзей, совопросников прошлого века.
Но под ретушью времени лица едва различимы.
Как свихнувшийся плеер, вертящийся в поисках трека,
Что затёрт навсегда, путешествую в прошлые зимы.

Дневники – как гербарий, где чувства – как листья сухие.
Всё безжизненно в них, всё подёрнуто пеплом остывшим.
На рецензию Хроносу предоставляю стихи я,
Я из рода Раневских, поющих о срубленных вишнях.

Безнадёжный искатель вчерашнего дня, археолог,
Потерявший останки умерших любовей и мнений,
Я надеюсь найти, раскопать самый первый осколок,
Странно выпавший в связке предшествующих поколений.

Я боюсь оказаться Хазарского ханства потомком:
У Хазарии, кроме названия, всё эфемерно.
Я хочу рассказать своё время – печально, негромко,
Хоть для сына его сохранить я обязан, наверно...

ПРЕДЧУВСТВИЕ ИСТИНЫ

Говоришь, одиночество? –
Нет, просто жухлые листья
Разлетелись по городу в поисках летнего сна.
Говоришь, одиночество? –

Просто художники кистью
Красят низкое небо с чердачного полуокна.

Говоришь, расставание? –
Нет, просто поезду скучно
Засыпать в тупике без весёлой толпы в животе.
Говоришь, расставание? –
Просто когда-нибудь нужно
Улетать в небеса, подышать на иной высоте.

Говоришь, не погодится? –
Нет, просто проводы лета
В хороводе безумном затеяли справить дожди.
Говоришь, не погодится? –
Просто Пьеро и Пьеретта
На раскрытые зонтики сыплют весь день конфетти.

Говоришь, всё окончено? –
Нет, просто сыграно действие,
На изломе судьбы коротаем недолгий антракт.
Говоришь, всё окончено? –
Просто расстроилось шествие,
Потому что колонны идут и не в ритм и не в такт.

Говоришь, умирание? –
Глупо, смешно и бессмысленно,
Просто смена эпох, завещание звёзд и крестов.
Говоришь, умирание? –
Просто открытие истины,
Просто – вечность в глазах, просто перерождение слов.

МОЛИТВА

Отпусти меня, память!
Всё помнить и маяться этим
Круглый год, целый век, – почему мне такая беда?
Всё равно не отмыться от прошлых зазубрин, отметин,
Всё равно не сокрыться от ждущего где-то суда.

Отпусти меня, тело!
Ты так неудобно для духа:
Неосознанный зов в бесконечный, бесцельный покой!
Отмирание крыльев, наверно, от полного брюха.
Я ещё полечу, я ещё наслажуся игрой!

Отпусти меня, старость!
Не вовремя ты постучала.
Ты ошиблась дверьми, – я ещё как мальчишка люблю!
Это сердце ещё не отмучалось, не отмечало.
Я найду тебя сам, если высохну и отгорю.

Отпусти меня, демон! Зачем ты приходишь ночами?
Я давно заглянул в эту пропасть по имени смерть.
Я давно свою жизнь не с другими, с вселенной сличаю.
Камень – хлипкий фундамент, пространство – надёжнее твердь.

Отпусти меня, Боже!
Прости мне грехи и соблазны.
Я нагой пред тобой, голова покаянна в золе.
Намекни же с небес, что старанья мои не напрасны.
Отпусти меня с миром, и я побреду по земле...

У ЗЕРКАЛА ПОЭТА

В мастерской художника-поэта,
Как войдёшь, направо, возле входа –
Зеркало, в котором все приметы
Жизни до тринадцатого года.

Всё скрипит в Волошинском музее:
Половицы, двери, мебель, стены.
Всё ветшает, зеркало мутнеет,
Деревянный дом скрипит о бренном.

Как блаженно было поколение,
Что могло уйти на дикий берег
Возводить обитель вдохновенья,
Не жалея лет, усилий, денег!

Как убого нынешнее племя
(Выросшее вопреки, некстати),
Что, не различая свет и темень,
Всё крушит в младенческом азарте.

Я пытаюсь вымолить ответы
В стенах поэтического храма,
Вглядываюсь в зеркало Поэта
С треснувшей местами амальгамой.

Помнит это зеркало Марину
Пьющей чай из треснувшего блюдца,

В жизни той, наивной и невинной,
В те года, ещё до революций.

Что рождалось в стриженной головке
В двадцать лет? Какие чудо-ритмы
Нашептал ей по-медвежьи ловкий
Макс в предошущеньи скорой битвы?

Из каких времен смотрели лица
В этот угол пыльный и домашний?
Под древнеегипетской царицей
Кто являлся в раскалённой башне?

Ипполит ли? Федра? Ариадна
Выходили на призыв Марины
Под печатный книжный шаг парадный
В перезвоне киммерийской глины?

Зеркало молчит, скрывая лики
Всех великих, промелькнувших в башне.
Коктебель давно не берег дикий,
И Марина в нём – как вздох вчерашний.

РОМЕО + ДЖУЛЬЕТТА (ТРИЛИСТНИК)

1

Чему равно «Ромео + Джульетта»? –
Безумству юных в солнцепёке лета?
Попытке жить, с души срывая путы?
Антракту в полосе вражды и смуты?

Чему равно «Джульетта + Ромео»? –
Срыванию плодов с познания древа?
Желанью обладать другим, другою?
Спасенью смертью двух детей-изгоев?

«Ромео + Джульетта» – что за этим?
Кто рядом с ними чёрной тенью третий? –
Тиран-отец, бесчувственная мать?
Монах, стремящийся интригу разыграть?

«Джульетта + Ромео» – есть задача,
Но нет ответа ни в надгробном плаче,
Ни в череде конфликтов и потерь.
В театр распахнутая дверь....

2

Придумав формулу «Ромео + Джульетта»,
 Корявым почерком я вёл без трафарета
 Те имена – на стенах ли, заборе, –
 В попытке разобраться в жанре горя,

В надежде вызвать чувство сострадания
 Прохожего, собаки, мироздания.
 Неловкий граффити, я выводил кармином
 Слова, сплюсованные смертью воедино.

Поверх «Metallic», Цоев и Кобейнов
 Два слова выводя благоговейно,
 Я чувствовал магическую силу,
 Которая пером Творца водила.

Но люди шли, не поднимая взглядов,
 Дожди и солнце драили фасады,
 Тускнели надписи «Ромео + Джульетта»...
 Возможно, время было «не про это».

Шло время фарсовое.
 Места для трагедий
 В нём не было. И вырастали дети,
 Не ведавшие Данте и Боккаччо...
 Давай, Шекспир, с тобой вдвоём поплачем.

3

Да разве он любил свою Джульетту? –
 Была игра до головокруженья,
 Ведь так легко в мгновение рассвета
 Сойти с ума от жаворонка пенья.

Она себя вручала не Ромео,
 А юности беспечно-неумелой.
 В четырнадцать кто ощущает меру?
 Кто цену знает клятвам скороспелым?

Решенье формулы «Ромео + Джульетта»
 Чревато истиной: исход закономерен.
 Но кто из юных слушает советы?
 Но кто из юных не самоуверен?

В святой ночи, когда они открылись,
 Не ощутим горчащий привкус страха.
 Они бы выжили, потухли, отбесились,
 Не окажись на их пути монаха...

Любому разум будет в срок ниспослан,
Не внемлет юность старческим советам.
Не допусти ж, Господь, усталым взрослым
Решать судьбу Ромео и Джульетты.

СТАВЯ «ТРИ СЕСТРЫ»

К Чехову! К Чехову, словно на плаху,
Вверх восхожу.
Скованный робостью, выжатый страхом,
Веры прошу.
Мне бы к нему провести бездорожьем
Двух-трёх людей,
И ощутить оголённым подкожьем
Смысл мелочей,
Пауз симфонии, бездны молчания,
Музыку слов,
Вечность почуять в скрипеньи-качаньи
Белых стволов,
Слышать оборванных струн затухание,
Стук топоров...
Жизни итожатся мраком отчаянья, –
Чехов суров.
В небе летят перелётные птицы,
Множа тоску.
Хочется плакать, стреляться, напиться,
Или – в Москву!
Дальше и дальше:
От скрежета века
В текст и подтекст,
Чтобы примерить себе, человеку,
Чеховский крест.

БИБЛИЯ

Если вдруг за спиною почувствую гибель я, –
Только ты защитишь и спасёшь меня, Библия!
Необъятною глыбой, бесформенно-рыхлою,
Ты громадно встаёшь перед времени вихрями.

Затерявшись пылинкой в страницах потрёпанных,
По дорогам твоим я скитался истоптанным.
У бесчисленных старцев совета испрашивал,
Жаль, что чаще тогда,
Когда делалось страшно мне.

Я бродил между трупов и пил с царедворцами,
Подаянья просил со слепыми уродцами,
Я рыбачил, пахал и лозой виноградною
Ото сна пробуждал целину безотрадную.

Любовался на женщин, далёких и чистых,
И не сдерживал слёзы на горестных тризнах.
Я бродил по просторам ушедшего времени
И у прошлого взял животворное семя,

Из которого вырастил древо надежды,
Под которым спасался от боли я, грешный,
Под которым мечтал и считал полнолуныя,
Под которым игрался с дочушкой-молчуньей,

Под которым живу и бываю влюблённым,
Где молюсь в упоеньи богам неиконным.
И когда мир скрежещет и катится к гибели,
Я лежу и читаю под деревом Библию.

Тимофей Зиновьевич Ильевский – театральный режиссер, драматург, поэт. Родился 14 июля 1961 года в Бресте. Главный режиссер Брестского академического театра драмы. Поставил более 30 спектаклей. Пьесы Т. Ильевского переведены на французский, польский и другие языки, отмечены на конкурсах «Свободный театр», «Write-Vox» (Беларусь), «Действующие лица» (Россия), «Badenweiler» (Германия) и др. Стихи публиковались в областных и республиканских изданиях.

